

Книги и коды Клиффорда Саймака

1

Считается, что «золотой век» американской фантастики, время ее первого расцвета, приходится на период со второй половины 1930-х по начало 1950-х годов. Затем, в 1960-е, пришла Новая волна, отвергшая каноны жанра и взявшая новые высоты. В этой схеме пятидесятые — переходный период: если и «золотой век», то поздний, увядающий, движущийся в тупик. В реальности все было сложнее; проводя исторические параллели, можно сказать, что Октябрьскую революцию в фантастике и правда произвела Новая волна — но прежде случилась революция Февральская, более мягкая и гуманная: началась она в фантастике в 1950 году, и 46-летний журналист из штата Висконсин Клиффорд Дональд Саймак стоял у самых ее истоков.

Писательская карьера Саймака длилась уже 20 лет. Из-под его пера вышли роман «Космические инженеры» (1939) и полсотни рассказов, среди которых были и сочиненные ради денег вестерны, и пронзительные истории о будущем человечества, позже объединенные в знаменитый «Город». Фантастика была для Саймака лишь хобби. Заработок — мизерный, слава — сомнительная: в те годы тебя называли писателем, если ты, как Фолкнер и Стейнбек, писал о современности, а не о приключениях в космосе. Просто Саймак обо-жал сочинять НФ. Но не такую, какую писали мно-

гие, а особую; творчество коллег ему нравилось не слишком.

Он был не одинок. В конце 1940-х молодой (моложе Саймака на десять лет) начинающий фантаст Гораций Голд сошелся с рвавшимся на американский рынок итальянским издательством «Эдиционе Мондиале» — и стал редактором НФ-журнала «Гэлакси» (*Galaxy*). Голд желал публиковать качественную фантастику и предлагал большой гонорар — три цента за слово; до того фантастам платили цент, а то и полцента. В первом же номере «Гэлакси», вышедшем в октябре 1950 года, было напечатано начало романа Саймака «Карьер времени». В 1951 году роман издали в форме книги под названием «Снова и снова».

Роман не был написан для «Гэлакси»; Саймак вспоминал: «Я как раз закончил книгу, когда получил от Голда письмо, тот писал, что стал редактором нового журнала и будет хорошо платить, и спрашивал, нет ли у меня чего-нибудь». Саймак, разумеется, ответил, что есть — деньги были нужны. В 1947 году в семье фантаста случилось прибавление — долгожданный первенец Ричард Скотт (Агнес Саймак родила его в 39 лет), и супруги явно не хотели останавливаться: в 1951 году на свет появится дочь Эллен. В 1949 году Саймака сделали редактором отдела новостей газеты «Миннеаполис Стар», он получил прибавку к зарплате, но и с фантастикой завязывать не планировал, так что по-любому предложение Голда поступило вовремя.

Для Саймака-фантаста это тоже было новое начало. Хронологически «Снова и снова» — его четвертый роман, однако «Космические инженеры» — текст все-таки ученический, «Империя» (издана в 1951 году) — книга редактора Джона Кэмпбелла, которую Саймак переписал, а «Город» сочинялся как сборник рассказов. Иначе говоря, «Снова и снова» — первый роман Саймака в классическом смысле слова.

2

«Гэлакси» рекламировал «Карьер времени» как «приключенческий роман», что, в общем, верно: стилистически этот текст — плоть от плоти американской НФ 40-х годов. В колонке редактора Гораций Голд обещал фантастику «только для взрослых», но тогда эти слова значили не «читателям до 16 лет не рекомендуется» (времена были пуританские, слово «секс» в «Гэлакси» писали как «s-x»), а «НФ, написанная не в расчете на детей» и, стоит добавить, инфантилов. На задней обложке журнала приводился «отрывок» из дурного вестерна, слегка замаскированного под НФ, с припиской: «В “Гэлакси” вы не прочтете такого никогда!»

О романе Саймака Голд писал, что это «огромная редкость для научной фантастики: мощная история с приключениями, загадками, идеями... и эмоциями». Но «Карьер времени» был все-таки чем-то куда большим. Саймак вложил в рукопись все, что наработал на тот момент, и создал многослойную, очень непростую, странную историю, которая, кажется, так и осталась непонятой.

В романе «Снова и снова» есть свой код, расшифровке которого мешает слишком уж фантастический антураж. Это и роман о космосе: 7980 год, человечество расселилось по галактике и, решая проблему нехватки рабочей силы, создало андроидов, во всем похожих на людей, но не способных размножаться. И роман об инопланетянах: после многолетнего отсутствия на Землю возвращается Ашер Саттон, побывавший на планете в созвездии Лебедя и вступивший в контакт с «симбиотическими абстракциями». И еще — роман о путешествиях во времени: в первой главе к одному из героев является пришелец из будущего, твердящий, что Саттон должен быть убит...

Но все это — лишь декорации, причем временами нелепые. Ну например: человеческая держава трижды именуется Галактической Империей («Империя стоит

на андроидах и роботах»), но на Земле, в столице Империи, и в помине нет никакого императора. Автор не все продумал? Или, может, на что-то намекает?.. Ведь драма, которая разыгрывается в НФ-декорациях, кажется знакомой. В самом деле: Саттон познал благодаря инопланетянам божественную истину — и напишет книгу о том, что все живое и разумное равно, после чего андроиды станут бороться с «хозяевами» за свои права... Ну да, оттого и Империя, что это прямая отсылка к Римской империи. Андроиды — конечно же, рабы; Саттон — Мессия, его книга — Евангелие, которое бескомпромиссным «возлюби ближнего своего» сломало стоявший на рабовладельчестве Рим.

Этим, однако, дело не ограничивается. Саттона преследуют три группировки из будущего: одна хочет, чтобы книга была написана, другая — чтобы книги не было, третья желает отредактировать откровение так, чтобы из него следовало, будто люди все же главнее прочих. Вождь ревизионистов говорит Саттону: «Вы столько знаете о судьбе. Вы никогда не задумывались о том, что существует такая вещь, как исключительная судьба?» Саттон отвечает: «Не хитрая и не прикрытая ничем пропаганда в стиле девятнадцатого века. Была там одна нация, которая рядилась в подобные обноски...»

Слова «исключительная судьба», «manifest destiny», в культуре США имеют особое значение: в XIX веке политики и журналисты говорили об «исключительной судьбе» белых американцев — распространять цивилизацию (в их понимании) по всему континенту, расширяться на север и на юг, захватывать индейские земли, в общем, делать все то, что у Саймака делают люди в галактике в 7980 году. Если так, роман описывает не только Римскую империю, но и США, причем США, современные Саймаку, и андроиды — прозрачная метафора для чернокожих, индейцев и всех, кого в Америке тех лет считали низшими по сравнению с белыми людьми существами.

Но, может, поэтому книга и называется «Снова и снова», что описывает битву защитников равенства и сторонников неравенства, которая все время повторяется — в Риме, в США, в далеком будущем, — и определяет движение всей истории? Для Саймака важно, что равенство устанавливается вышним вторжением. Ашер Саттон умер, воскрес, творит чудеса, он получил откровение — и обрел душу: ведь что такое «симбиотическая абстракция», вечно сопровождающая каждого из нас («Мы не одиноки. Никто и никогда не одинок...»), если не отражающая божественное присутствие в любом живом существе душа?

3

Это и правда было новое слово в НФ: Саймак написал не просто НФ-роман, но религиозно-политический трактат в «приключенческой» форме. Впрочем, форма эта не столь проста. С ней связан ряд загадок, разгадать которые столько лет спустя вряд ли удастся.

Во-первых, у журнальной версии был другой финал: Ева улетает вместе с Саттоном, и андроид Геркаймер, глядя на их корабль, думает, что, может, Саттон так и не узнает об истинной сущности Евы, но если даже узнает, все равно будет ее любить. В книге финал вышел трагичнее — и оттого еще больше оттеняет исходную идею: любовь уравнивает всех живых существ, будь они хоть андроидами.

Во-вторых, «Снова и снова» — единственная книга Саймака с его литературным автопортретом: это старик с удочкой, с которым герой встречается в Висконсине в 1977 году. «Звать меня Клифф, а теперь все величают старым Клиффом...» Опираясь же в журнале старик остался безмянным — видимо, редактор счел, что для НФ это слишком. Рыбак Клифф — писатель, он говорит, что сам как-то сочинил историю про судьбу — идет ли речь о «Снова и снова»? И потом, зачем в книге о Мессии Саймаку понадобилось выводить себя в образе рыбака?

Рыбаками были апостолы; образ «духовного рыболова» Саймак использует потом в романе «Что может быть проще времени?».

И в-третьих: только в книжной версии появляется глава романа, в которой Саттона посещают представители Лиги борьбы за права андроидов. Казалось бы, это единомышленники, но герою они не нравятся: «Я сочувствую вашим целям, но весьма скептически отношусь к избранным вами методам». Позднее андроид Геркаймер объясняет Саттону: «Говорят-то они правильные вещи, но делают всё не так. Они призывают людей проявить к нам милосердие, пожалеть нас. А нам не нужны ни милосердие, ни жалость».

Понятно, что Лига — это унылые лицемеры, не способные толком избавиться от «господского» мировоззрения. Но почему главы нет в журнале — и зачем она нужна вообще? Возможно, и здесь есть актуальный подтекст — литературный. Неопрятного джентльмена из Лиги зовут Гамильтон, и нельзя исключать, что это шарж на Эдмонда Гамильтона, яркого сочинителя космооперы 1930-х и 1940-х годов, а заодно и на всю НФ той эпохи, «пачку разлохмаченных листков и потрепанных брошюр». Недаром Гамильтона сопровождают звездолетчик и экзальтированная домохозяйка — типичные герой и потребитель этой фантастики. Саймак показывает свое отношение к тем, кто мог бы добиться большего, если бы не потакал невзыскательному читателю, а писал фантастику социальную и политическую, наподобие «Карьера времени». Космооперу он не жаловал; много лет спустя, делясь впечатлениями от «Звездных войн», Саймак говорил, что, да, ему понравилось, особенно Чубакка и сцены в пустыне, «но это не искусство, и это даже не хорошая фантастика: фильм скатился в космическую оперу...».

Вот почему редактор «Гэлакси» Горацій Голд мог зарубить эту главу: революция революцией, а переходить на личности не стоит.

...Спустя год-другой Саймак и сам понял, что добиться большего в конкретных исторических услови-

ях невозможно. «Снова и снова» читатель книги почти не заметил, социального и религиозного подтекста не увидел, аллюзии и литературные игры не оценил. В 1950-х мало кто был готов воспринимать фантастику как литературу со сложной структурой и этическими идеями. Социальные перемены заставили читателя НФ повзреть лишь десять лет спустя. Но ведь и сейчас понимание многослойной НФ оставляет желать лучшего: разглядеть в великой «Дюне» Фрэнка Герберта своеобразное, но точное переложение Евангелия даже умные критики способны не всегда.

4

Вышедший в 1952 году в форме книги «Город» снискал куда лучший прием и получил Международную премию по фантастике, в то время — самую весомую НФ-награду. Неудача «Снова и снова» Саймака не оставила. С осени 1951 по весну 1952 года он сочинил новый роман-метафору — «Кольцо вокруг солнца».

Прием здесь тот же самый: фантастические декорации шифруют реальную историю. На сей раз антураж фантастичен до абсурда — в книге есть перемещения во времени и пространстве, ложные воспоминания, мутанты, роботы, андроиды и многое другое. Сцена, в которой герой осознает, что он — мутант-андроид, могла бы принадлежать Филипу К. Дику, дебютировавшему как раз в 1952-м; задолго до Дика Саймак писал очень филип-дииковские книги!

О чем же «Кольцо вокруг солнца», если не о мутантах, сговорившихся разрушить экономику планеты, чтобы вывести людей на параллельные Земли и дать людям второй шанс? Когда в США образца 1952 года некто читал об охоте на «новую расу сверхлюдей, называемых мутантами, которые пытаются захватить власть над миром» и о том, что мутанты наводняют рынок дешевыми товарами, а также, о ужас, кормят безработных, — сразу становилось понятно, о ком идет

речь. Естественно, о коммунистах, которых после Второй мировой власти США в лице Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности и сенатора Джозефа Маккарти искали, находили, судили, бросали в тюрьмы и поносили в СМИ. Наверняка Саймак особенно угнетал тот факт, что главный «охотник на красных ведьм» Маккарти был сенатором от его родного штата Висконсин. Правда, знаменитые маккартистские слушания начались в 1953 году, когда роман уже вышел, но к осени 1951 года словечко «маккартизм» знала вся Америка.

Можно пойти дальше и увидеть в Земле-2 Советский Союз, а в Большом доме — Кремль, но вряд стоит заходить так далеко. Да, Саймак намекает на коммунизм, когда его герой говорит, что «всю эту историю с мутантами выдумали красные», — но только вряд ли фантаст питал иллюзии в отношении СССР. Экономическое мировоззрение — другое дело: рассуждения о том, что капиталистическая экономика несправедлива и изжила себя, будут появляться в книгах Саймака не раз и не два. В романе «Почти как люди» (1962), ответе на книги об инопланетном вторжении вроде «Кукловодов» Хайнлайна, черные шары, маскирующиеся под людей, и не думают подчинять кого-либо своей воле. Они атакуют Землю, так сказать, экономически — пользуясь тем, что капитализм зиждется на частной собственности, просто скупают все наше имущество. И когда герой дает сенатору США дикий совет: «Издай закон против частной собственности. Любой частной собственности. Составь его так, чтобы ни один человек не имел права владеть ни футом земли, ни промышленным предприятием, ни граммом руды, ни домом...» — выглядит это как коммунистическая пропаганда в чистом виде.

Исследователь фантастики М. Кит Букер в книге «Чудовища, ядерные грибы и холодная война» пишет о том, что «Кольцо вокруг солнца» критикует даже не сам капитализм, а всю западную цивилизацию, возникшую в эпоху Просвещения, и что Саймак мечтает о «простой жизни» а-ля сельская Америка XIX века. Если

и так, речь не о победе в безмашинное прошлое — это было бы глупо. Герой «Кольца вокруг солнца» размышляет: «Будущая цивилизация, направляемая мутантами, уже не будет механистической цивилизацией, это будет цивилизация, построенная на иных социальных и экономических основах, на духовном и художественном началах, и в ней найдется место для машин». О том, как построить подобную цивилизацию, Саймак будет писать всю оставшуюся жизнь. Да, из «Кольца вокруг солнца» следует, что нужно вернуться в «пасторально-феодалную стадию», но ясно, что физически это невозможно; остается возвращение духовное.

Отдельного внимания в романе заслуживают «клубы фантазеров», объединяющие тех, кто воображает, будто живет в прошлом. О фантазерах недоброжелатели тоже говорят, что это коммунистическая пропаганда, и немудрено: в итоге они сыграют очень важную роль. С одной стороны, это явная аллюзия на «красный Голливуд», пострадавший от Маккарти и его присных, а может, и на фантастов (их, как ни странно, не преследовали; Саймаку повезло, при ином раскладе он за коммунистические проповеди вполне мог угодить за решетку). С другой — отсылка именно что к духовному возвращению в более моральные времена. Саймак уже нащупал нить, которая приведет его через полтора десятка лет к «Заповеднику гоблинов».

5

Надо думать, после «Кольца вокруг солнца», тоже не особо понятого современниками, Саймак разочаровался в крупной форме. Следующий роман он напишет через восемь лет. В «Что может быть проще времени?» есть прежние мотивы: мутанты, они же «парапсихи», работают на корпорацию «Фишхук» («Рыболовный крючок»), мысленно путешествуют к звездам и добывают там новые знания. Бизнесмены жалуются, что «Фишхук» разрушает капитализм, и сперва кажется,

будто корпорация делает благое дело — но увь: «Фишхук» хоть и добывает новые технологии, но монополизирует рынок. Уничтожая капитализм, он предлагает взамен не свободу, но обновленное рабство.

Это все та же битва, которую Саймак описывал в «Снова и снова». Воюют три силы — те, кто хочет уничтожить истину (Галактическая Империя, Ламберт Финн), те, кто хочет истины «для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженным» (Ашер Саттон, Шепард Блэйн) — и вдобавок те, кто хочет истину монополизовать (ревизионисты, «Фишхук»). Под «Фишхуком» Саймак мог подразумевать и церковь — как корпорацию, «гигантскую бухгалтерию», установившую монополию на духовный прогресс. Важно понять, что как церковная администрация часто противостоит настоящим святым, так и «Рыболовный крючок» выступает против носителей истины, рыбаков-парапсихов вроде Блэйна. Не случайно в журнальной версии роман назывался «Рыбак»; не случайно отец Фланаган говорит, что Блэйн действует «во славу Бога и на пользу человечества», «в силу божественного умысла, который мы не можем ни понять, ни оценить»...

И еще одна перекличка с романом «Снова и снова», может быть, намекающая на то, что Саймак изменил мнение о коллегах-фантастах: город парапсихов в «Что может быть проще времени?» носит название Гамильтон.

Тема веры и религии занимала Саймака никак не меньше язв капитализма. То, что сознание героя «Кольца вокруг солнца» расщеплено на три, можно списать на стандартный фантастический прием, однако в «Принципе оборотня» (1967) параллели с Троицей настолько рельефны, насколько это вообще возможно. Герой — это три отдельных, но связанных разума в одном теле, из которых два — инопланетные. Один из разумов, Мыслитель, принимает форму светящейся пирамиды — и в такой форме закукливается внутри христианской церкви. Светящийся треугольник — известный символ Бога-Отца; прозрачнее намеков не

бывает, и когда оказывается, что задача триединого «оборотня» — «составить знание о Вселенной в схему, доступную пониманию», уже не удивляешься: это миссия, достойная Бога. Впрочем, увидеть в «Принципе оборотня» религиозную притчу смогли опять же единицы.

Все книги, написанные Саймаком в 1960-х, таят подобное двойное дно — и получившая «Хьюго» «Пересадочная станция» (1963), и «Зачем звать их обратно с небес?» (1967). Более чем любопытен роман «Вся плоть — трава» (1965), в котором на Землю проникают чужаки из параллельной реальности — Цветы. Сегодня невозможно не думать об очевидной параллели: точно так же чужаками казались истеблишменту 60-х «дети цветов», выступавшие, как и Цветы у Саймака, против войны. Но роман вышел в 1965 году; лишь в конце того же года поэт-битник Аллен Гинзберг напишет про «flower power», «цветочную мощь», и только в 1967 году случится «лето любви» в Сан-Франциско, появится песня о «людях с цветами в волосах» и хиппи станут называть «детьми цветов». Невероятно, но на уровне символов Саймак точно предсказал противостояние, которое в последующие годы потрясет Америку. Финал книги, в котором альтернативой ядерному удару оказывается любовь, — это ведь не только «красота спасет мир» Достоевского, но и «make love not war»...

Последним романом 1960-х стал «Заповедник гоблинов» (1968) — вещь карнавальная, сложная, веселая, уместающая в неполные двести страниц гоблинов и пришельцев, неандертальца и Шекспира, путешествия во времени, таинственный Артефакт и много чего еще. Здесь Саймак полностью отказался от социально-политических тем — но только чтобы перейти на уровень выше. «Заповедник гоблинов» учит читателя своего рода пасторальному мышлению, оказывающемуся концентрированным здоровым смыслом: происходят события космического масштаба, похороненный человек вдруг оживает, перенесенный в будущее Шекспир сбегает, происходят удивительные метамор-